

*Памяти Ивана Ткаченко, капитана
ярославской хоккейной команды «Локомотив»,
и его команды посвящается*

«Ивана всегда легко можно было узнать на льду по особой манере игры и, конечно же, по номеру. Цифру «17» Ткаченко выбрал не случайно — под таким номером играл легендарный хоккеист Валерий Харламов. Удивительным образом Ваня повторил трагическую судьбу своего кумира, уйдя из жизни на пике популярности...»

Евгений Панин, друг Ивана Ткаченко

Хотя по выходным не нужно идти в школу, Виктор без всякого будильника ещё затемно спрыгивал со своей верхней полки, наспех одевался, хватал ботинки с коньками и клюшку и выскакивал из квартиры. И уже через десять минут сквозь открытую форточку с улицы доносились громкие крики пацанов, скрип коньков и удары клюшек.

А Егор лежал на своей нижней полке, закинув руки за голову, с открытыми глазами, но видел не днище братниной полки, а вчерашний бой подростковой хоккейной команды

«Соколы “Локомотива”» с «Орлятами “Шинника”» — игру, на которой его брат Витя забил «Орлятам» не одну, не две, а три шайбы! Вот это была игра! «Орлята» героически защищались и даже нападали, они забили «Соколам» две шайбы, но в третьем периоде при счёте 2:2 тренер «Соколов» выпустил на лёд Витину тройку «Юрасов — Вышинский — Колобов» и... Когда на последней минуте Витя с подачи Васи Колобова забросил свою третью шайбу, все трибуны в ледовом дворце «Торпедо» просто взорвались восторгом! А после игры не только мама, но даже Катя из 7 «Б» класса поцеловала Виктора! Что с противоположной трибуны видел, конечно, девятиклассник Роман Бутримов, который тоже к Кате неровно дышит...

— Н-да... — тяжело вздохнул Егор. — Нужно встать...

Хотя на двухэтажной подростковой кровати его полка была нижней, но от этого ему не легче. Он на полтора года младше Виктора и на одну ногу несчастней — по словам врачей, у него гемипарез, врождённый паралич

левой ноги. Что это такое? Это когда вы не чувствуете свою ногу, а таскаете её, как тяжёлую культу. И с этим надо жить с утра до ночи и с ночи до утра. Круглосуточно.

Сев на постели, Егор спустил на пол правую ногу, а затем двумя руками взял мёртвую, как колода, левую ногу, сдвинул её к краю кровати и уронил вниз. Теперь, чтобы встать, нужно в полутьме достать костыли, прислонённые к стулу, подтянуть их к подмышкам и так, с подвешенной левой ногой, отправиться в туалет. При этом стараться не стучать костылями, чтоб не разбудить мать. Суббота и воскресенье у мамы самые трудные дни, она работает экскурсоводом в краевом музее и по воскресным дням водит по городу туристов, то есть весь день на ногах. Значит, сегодня ей нужно поспать хотя бы до девяти; слава богу, что окно её комнаты выходит не во двор, а на противоположную сторону, на улицу, и ей не слышны эти ранние хоккейные баталии на дворовом катке.

В Ярославле все пацаны помешаны на хоккее, даже Егор был на игре легендарного

«Локомотива» с «Буревестником» — но, конечно, давно, до гибели «Локомотива» в авиакатастрофе в сентябре 2011 года. Это был первый настоящий хоккейный матч, который Егор видел живьём, но именно с тех пор над его и Витиной кроватью рядом с портретами Брюса Ли и Джеки Чана появился портрет Ивана Ткаченко, капитана «Локомотива», знаменитого после гибели даже больше, чем при жизни, потому что только после его смерти выяснилось, что он совершенно анонимно, в тайне от всех посылал деньги больным детям...

Спустив воду и выйдя из туалета, Егор вернулся в свою комнату, допрыгал на костылях до окна и лёг грудью на подоконник, чтобы увидеть двор с пятого этажа. А там баталия уже шла вовсю! Двенадцати-четырнадцатилетние пацаны лихо носились за шайбой по катку, залитому во дворе совсем недавно, с первыми ноябрьскими морозами. Теперь, дорвавшись до льда, они весело сшибали друг друга, выделывали финты и гремели клюшками.

Найдя глазами брата, Егор ревниво следил за его игрой. Он любил Виктора. Да и как не

любить, когда Витек всю жизнь носится с ним, как с писаной торбой! Сызмалу таскал его на руках, как котёнка, учил ходить на костылях и лупил всякого, кто дразнил Егора или отнимал у него игрушки на детской площадке. А про школу и говорить нечего, в школе Витя — его главная опора в прямом и переносном смысле!..

Тёплые материнские руки вдруг обняли Егора сзади, и всей своей спиной, шеей и затылком Егор разом ощутил мягкое блаженство младенчества, когда мама держала его на руках. Но ему уже двенадцать, он не может позволить себе эти нежности!

— Ма, ты чего? — сказал он и попытался высвободиться.

— Доброе утро, — сказала мать, не выпуская его плеч. — Есть хочешь?

— Нет ещё...

Какое-то время они оба смотрели на хоккейную игру и на Виктора, а потом Егор спросил:

— Мам, а ты вообще умеешь на коньках?

Мама усмехнулась:

— Когда-то умела. Даже за институт выступала... — И вдруг её осенило: — Ну-ка, пойдём!

— Куда?

— Вниз, во двор!

— Зачем?

— Пойдём, одевайся! Я сейчас... — и мать метнулась в свою комнату.

* * *

Когда они, одетые по-зимнему, спустились во двор, там уже светлело и игра закончилась.

— Витя! — позвала мать. — Поди сюда!

Виктор, потный, разгорячённый и с синяком на лбу, подкатил к ним.

— Ближе, — сказала мать.

— А чего?

Она тронула пальцем его синяк.

— Больно?

Он отмахнулся:

— Не, ничо! — и хотел отъехать к пацанам, обсуждавшим закончившуюся игру.

Но она придержала его за рукав куртки:

— Подожди...

Второй рукой зачерпнула снег из сугроба и приложила к синяку.

— Стой, не дёргайся!

— Ну, ма!..

— Да стой ты! — прикрикнула она и вдруг тихо и совсем другим тоном: — Покатай Егошу.

— Как это? — оторопел Виктор.

— Запросто. Иди сюда. Стань ему со спины.

— Ма, ты чо? — сказал Егор.

Но она уже завела Виктора за спину к Егору и распорядилась:

— Ближе! Плотней! Вот так! А теперь бери его под мышки и ставь себе на ноги! А ты, Гоша, дай мне костыли! Давай! Ты понял, Витя? Покатай его! — И, водрузив младшего сына на ботинки и ноги старшего, распорядилась: — Пошёл, Вить! Помалу...

Но Виктор уже и сам ухватил её идею, он в обхват сжал брата под мышками и так, держа его перед собой, как большую куклу, выкатил с ним на каток.

Пацаны, толкая друг друга локтями, удивлённо смолкли.

— Спокойно, — негромко командовал Виктор брату. — Пригнись и правую ногу вперёд! Вместе со мной! Вот так, раскатывай!.. А левой я сам, сам! Вот... А теперь снова правой! Вперёд! Спокойно, не дави! Катим...

И они действительно покатили по катку, а мать кричала им со стороны:

— Хорошо! Быстрее, Витя! Не бойся! Молодцы! Смелей! С ветерком! Давай, давай!

И Виктор понял её, и набрал скорость, и вдруг... вдруг Егор ощутил радость скорости и полёта!

Скорости и полёта!

Скорости и полёта!

И засмеялся от счастья!

Пусть всего одной ногой он помогал брату, но они летели!

Они мчались навстречу восходящему солнцу!

Двое в одном теле и в одном полёте!

И весёлый голос матери летел вместе с ними:

— Быстрее! Ещё быстрее! Bravo!..

Конечно, на крутом повороте они оба грохнулись с коньков и, расцепив руки, уже врозь покатались на спинах по льду. Но Егор не чувствовал ушибов — растянувшись на льду, он смотрел в утреннее небо и блаженно улыбался...

* * *

Кухонный нож звонко скрипел о точильный камень.

Егор был настроен решительно, он знал, что делал.

Всю прошедшую неделю он смотрел в YouTube соревнования паралимпийцев. Зачем ему эта дурацкая нога, если он её не чувствует и не может на неё наступить? Паралимпийцы без двух ног бегают на протезах, и как бегают! Конечно, врачи отказываются отрезать ему ногу и поставить протез, «не имеем, говорят, права наносить увечье». Зато он имеет право! Это его нога! «Вот если бы, — говорят, — у тебя не было ноги, другое дело! Тебе протез был бы положен»...

Вот и хорошо! Вот и будет мне протез!